

Майя Димерли

Три рассказа

Фарида

Моя осознанная жизнь началась в 2,5 года, когда мы переехали из Германии в Эстонию. Небольшой военный городок под названием Клоога-Айдлин прятался в густом и щедром на ягоды и грибы лесу. Железная дорога – единственный способ попасть куда-нибудь еще. По обе стороны полотна – канавы, в которых в изобилии водились тритоны, лягушки, их странные дети головастики и даже кровожадные пиявки. Как посуху, по ровной и мутновато-зеленой поверхности канав сновали водомерки, а над ними кружили разноцветные стрекозы. Красные, синие, зеленые, похожие на иголки с крылышками. Больших стрекоз, похожих на вертолет, мы называли стрекозлами. И бабочки. Разные. Какие угодно. Но это летом.

Наш дом был третьим или четвертым от железной дороги и первым от забора военной части. Вообще, все дома в районе железной дороги были временками, которые красоты ради называли «финскими домиками». Страшный с жуткими щелями деревянный туалет на улице в любое время года для взрослых. Летом с крысами. Детей туда, понятное дело, не пускали. Одна колонка во дворе на всех. Вода, правда, была очень вкусной. Родниковой. Зимой, когда колонка замерзала, мы собирали и топили снег. Чего-чего, а снега зимой хватало. Целое ведро снега превращалось в лучшем случае в четверть ведра воды. Отапливались дровами и углем. В доме была печка груба, на кухне буржуйка и плита с баллонным газом. Купаться – в бане. Там постоянно не было то горячей, то холодной воды. Можно только догадываться

о том, что чувствовали родители, переехав в этот рай из Германии. Но нам, детям, все было хорошо.

Игры у нас были самые разнообразные. А точнее – три. «Я нашел ничейное», дочки-матери и войнушки. «Я нашел ничейное» вроде даже и игрой не было. Сводилось оно к следующему. Кто-то прибежал и сообщал радостным голосом: «Я нашел огород. Он ничейный и там полно клубники!». А однажды было так: «Я нашел домик. Он ничейный и в нем полно игрушек!». И мы всей оравой бежали на ничейный огород и поедали вкусную клубнику или перелезали через забор, пробирались в ничейный домик и играли в ничейные игрушки. И вдруг... Мы никак не могли понять, почему каждый раз за нами кто-то гонится.

Я играла в две игры из трех. «Я нашел ничейное» и войнушки.

Лариска и другие девчонки играли в дочки-матери у сарая и пытались соблазнить меня. Как можно притворяться, что кукла это человек? Кормить куклу кашей, сваренной из земли и травы! Уж лучше с братом на войну! Там, по крайней мере, не нужно притворяться, и все настоящее. И пистолет, который стреляет лентой с пистонами, пусть даже дает осечек больше, чем стреляет. И автомат на батарейках, которые как назло заканчиваются еще до начала сражения. Что говорить, автомат-палка, и тот стреляет по-настоящему. А гранаты взрываются похлеще тех, что у отца в военной части. И уж синяки от них самые что ни на есть настоящие.

Каждый раз, когда во дворе назревала война, я боялась, что ее не будет. Не могла себе представить, что кто-то в этот раз захочет быть фашистом. Но этих ребят всегда было предостаточно. Противные и лживые были эти ребята-фашисты. Убить такого очень непросто. Ты в него стреляешь. Попадаешь прямо в сердце, а он тебе говорит, что ты промазала. Ты опять стреляешь, ну точно в сердце, а он говорит, что у него только царапина или рана не смертельна. Чтобы такого укокошить, надо было стрелять в упор или попасть гранатой. Но даже в этом случае фашист начинал куда-то ползти, отстреливаться и бросать лимонки, утверждая, что умирает, но дерется из последних сил. В общем, рассчитывать на легкую победу не приходилось никогда. И надо отдать нам должное, мы платили этим гадам их же монетой. Мы уворачивались

от вражьих пуль и из последних сил сражались до самого конца, своим бессмертием доводя фашистов до белого каления.

Дом Сани Потанчика был первым от железной дороги. У Сани Потанчика была красивая мама. Не красивее моей, разумеется, но как-то раз мы даже бегали к Сане домой, чтобы посмотреть, правда ли она такая красивая, как болтали некоторые. Мы тарабанили нагло и безостановочно, пока Санина мама не открыла дверь. Она удивленно спросила, что нам нужно, а мы просто таращились на нее, и когда насмотрелись вдоволь, бросились наутек. Интересно, что она подумала? Она действительно была очень красивой. И она была необычной. У нее были черные волосы, черные слегка раскосые глаза и смуглая кожа. И она не показалась нам строгой.

Мне было три года. На дворе стояло ласковое лето. К Саниной маме недели на две приехали родственники и привезли с собой двоих детей. Их звали Фарид и Фаридá. Ей было лет семь, а ему не меньше пяти. Мы жили недостаточно далеко, чтобы совсем не замечать их появления в нашем лесу, но и недостаточно близко, чтобы каждый день сталкиваться нос к носу.

За день до моего знакомства с Фаридом я узнала что-то очень важное. Так со мной часто случалось. Узнаю что-нибудь, а назавтра оно приговждается. Я никак не могла понять смысла фразы «вставлять палки в колеса». Когда я думала об этом выражении, я представляла военный грузовик, и мне было непонятно, зачем туда вставлять палки. И вот моя бабушка объяснила, что речь идет о велосипеде. Если между спицами воткнуть палку, то это закончится «не здóрово» для того, кто крутит педали. Другими словами, вставлять палки в колеса означало «мешать».

Наступило завтра. Фарид несся на велосипеде «Орленок» в сторону нашего дома, а впереди него давал деру до смерти перепуганный кот Гриша. Мой кот! Поравнявшись со мной, Гриша стал метаться из стороны в сторону, а Фарид, ловко лавируя, продолжал гоняться за ним. В голове у меня застучало, руки затряслись, и я начала судорожно думать, как остановить этого верзилу. И тут я вспомнила про палки и колеса. Мне было очень страшно заводить с Фаридом, но ощущение нарушенной справедливости перевесило. Я схватила первую попавшуюся палку и стала бегать за велосипедом, пытаюсь воткнуть ее между спицами. У меня ничего

не получалось, но Фарид понял, чем это для него закончится, и, обзывая меня последними словами, удрал на своем дурацком велике. А меня еще долго трясло от осознания своей безрассудной смелости.

А что Фарид? А понятия не имею.

Шел кровопролитный бой. Наши и фашисты залегли в окопы по обе стороны заминированного поля. Пули летели не просто дождем, а настоящим ливнем. Ежесекундно взрывались снаряды, поднимая в воздух комья земли и разбрызгивая смертоносные осколки. Кругом стояли дым и гарь. Рация вышла из строя, подкрепления ждать было неоткуда. Но мы давали прикурить врагам по полной.

И вдруг появилась она. Белое платье, черные, как у мамы Сани Потанчика, волосы и белый бант. Фаридка шла уверенным шагом по минному полю под свинцовым ливнем, не уворачиваясь от пуль, не пригибаясь и даже не пытаясь угадать, откуда рванет на этот раз. Такого безрассудства я еще не видела. О чем она только думает?! Ее же сейчас убьют! Но произошло чудо. Первое чудо, которое я видела своими собственными глазами. Ни одна мина не разорвалась у нее под ногами, ни одна пуля не настигла ее, ни один снаряд или осколок не причинил ей вреда. Она остановилась надо мной, лежащей в окопе, и я услышала ее голос, полный гнева и возмущения:

– Что ты здесь делаешь?! – спросила она. – Тебе здесь не место!

Она заставила меня подняться, взяла за руку и повела за собой по минному полю, дымящемуся и искореженному взрывами снарядов, мимо убитых, раненых и контуженых.

Теперь нас точно убьют. Убьют! Не зря говорят, что смерть приходит в белом! Но снова произошло чудо. В это невозможно было поверить, но это случилось снова. Ни одна мина не разорвалась у меня под ногами, ни одна пуля не настигла меня, ни один снаряд или осколок не причинил мне вреда. Я оглянулась на поле боя. Мне было стыдно оставлять наших один на один с фашистами. Я была уверена, что без меня они не справятся. Но мирная жизнь держала меня за руку и увлекала прочь.

По дороге Фаридка говорила мне что-то о том, что я девочка, что я еще маленькая и не должна играть в войну, и что сейчас она будет читать мне сказку. Все это она говорила, потому, наверное,

что думала, будто человека видно снаружи: большой – значит сильный, маленький – слабый. И все-таки я не стала с ней спорить, а только выронила автомат, который тащила за собой, и он превратился в палку.

Она привела меня к дому Потанчика. Мы взошли на крыльцо, и она посадила меня на лавочку напротив окна и входной двери, а сама пошла за книгой. Солнце клонилось к закату и ласково грело спину, а его отражение в окне слепило глаза. И вдруг я почувствовала себя солдатом, которого вынесли с поля боя, и я впервые поняла, как сильно я устала от этой войны. Фарида вернулась с книгой. Она села справа от меня на лавочку, торжественно откинув подол платья назад, как пианист откидывает фалды фрака, усаживаясь за рояль в Колонном зале Дома Союзов. Я не помню, что она читала. Отражение солнца слепило меня, я опустила глаза и рассматривала свои замызганные ноги. Мне было тепло и мирно. Я не решалась прямо посмотреть на Фариду, а только украдкой поглядывала на нее сквозь сощуренные веки и подсвеченные солнцем ресницы. От этого Фарида превратилась в белое пятно. Она не была девочкой, она была явлением, нарушающим жестокие законы военного времени. Любого времени.

Прошло почти сорок лет. Вопрос, почему я вдруг вспомнила о ней, занимает меня гораздо меньше, чем другой. Как я могла ее забыть?

Ведь с тех пор никто не сделал для меня большего.

Как я здоровалась с Антоном Павловичем Чеховым

Осенью папа заболел ангиной. Мама сказала, что у папы очень высокая температура и опухли железки. Шуметь не полагалось. В комнате, где он лежал, были наглухо задернуты тяжелые шторы. Выкалывать глаз не было никакой необходимости, потому что все равно ничего не видно. Папу было еле заметно только потому, что на тумбочке перед диваном стоял неяркий светильник с цилиндрическим плафоном. Внутри что-то медленно враща-

лось, отчего складывалось впечатление, будто в светильнике плавают разноцветные рыбки. Этот светильник, наверное, очень утешал папу, и от этого болеть ему было не так тоскливо. Если бы перед *моей* кроватью поставили такой светильник, я бы и сама с удовольствием заболела ангиной. Но я не болела. Даже когда мой брат болел скарлатиной, ветрянкой, свинкой... и меня специально держали рядом с ним, я не болела.

К папе пришел доктор. Вы ни за что не отличили бы его от Антона Павловича Чехова. Шляпа, круглые очки, усы и борода клинышком, черное пальто, темно-коричневый саквояж. Да, еще тросточка. Хотя, может, ее и не было, но мне показалось, что она все-таки была. Когда доктор осматривал папу, в комнату меня не пустили.

Через пару дней, когда я вышла на улицу, я увидела Антона Павловича недалеко от нашего дома. Он беседовал с военврачом – очень приятным офицером медицинской службы, которого я часто видела раньше. Одет он был по форме. Фуражка с малиновым околышем и шинель с малиновыми петлицами, на которых вокруг чашек висели гадюки. Их в нашем лесу было хоть отбавляй. Наверное, из их яда делали лекарство для лазарета, в котором работал этот офицер. Попасть в лазарет можно было только по очень уважительной причине. Я никогда не была в лазарете, но очень ясно представляла себе, как он устроен. В центре лазарета находится жесткая кушетка, и на ней лежит больной солдат, накрытый белой простыней. И вот это и есть лазарет. Только сверху он еще накрыт стеклянной полусферой, так, что вокруг кушетки и над ней до стеклянного колпака метра по два. А вокруг лазарета – белый день. И теперь уж все сделано, и все зависит только от того, как сложится судьба. Крепкий ли у солдата организм. В общем, было в этом что-то чистое, прозрачное, светлое и ненадежное.

Оба доктора мне были симпатичны. И как вежливая девочка трех с половиной лет я должна была с ними поздороваться. Но сначала я решила поздороваться с Антоном Павловичем. Во-первых, он старше, а во-вторых, он лечил моего папу. Я подошла поближе и стала слева от военврача так, чтобы Антон Павлович увидел меня, и поздоровалась с ним:

– Здравствуйте! – сказала я.

Но Антон Павлович не обратил на меня совершенно никакого внимания. Зато военврач повернулся в мою сторону и вежливо сказал:

– Здравствуйте!

Я была очень расстроена. Ведь я здоровалась вовсе не с ним. Раз Антон Павлович не обратил на меня внимания с этой стороны, обойду-ка я их с другой. И я обошла. На этот раз я стояла справа от военврача.

– Здравствуйте! – поздоровалась я с Антоном Павловичем.

Но он, как на зло, опять даже не посмотрел на меня. Зато военврач повернулся в мою сторону и слегка удивленно произнес:

– Здравствуйте!

Как я была огорчена! Опять со мной поздоровался совсем не тот! Ну не сказать же ему:

– Это я не с вами здороваюсь! – или: – Скажите, пожалуйста, этому доктору, чтобы он со мной поздоровался!

Это было бы уже полной чушью! Тянуть его за рукав? Нет! Это совсем не удобно. Но сдаваться я не собиралась. Я отходила, делала вид, что чем-то занята, а потом подходила снова и внезапно, и все здоровалась, здоровалась... Со временем военврач начал получать удовольствие от нашего общения. Он стал отвечать на мои приветствия каждый раз с новой интонацией так, будто видит меня в первый раз. Мы поздоровались раз пятнадцать, и я сдалась. Антон Павлович так и не удостоил меня своим вниманием. Никогда еще я не испытывала такого разочарования. Вконец опечаленная я пошла домой.

Примерно через полтора часа я снова вышла на улицу немного погулять. Бывает же такое. Я опять увидела военврача. Он шел мне навстречу совершенно один. Вспомнив, как он был любезен, и учитывая, что теперь не было с ним Антона Павловича, я решила, наконец, поздороваться и с ним.

– Здравствуйте! – сказала я.

– Здравствуйте!!! – радостно воскликнул он и пошел дальше, давась от смеха.

Я сочувственно посмотрела ему вслед.

Неужели он так и не понял, что все это время я здоровалась не с *ним*?

Скорость – не главное

Я бежала со всех ног домой. За мной гнался мой шестилетний брат, на три года старше меня. Тощий и ногастый. Я должна была успеть добежать домой первой. Это было делом жизни и смерти. Только бы не упасть по дороге. Тогда всё! И я бегу, бегу, выбиваясь из сил. Вот я уже взбираюсь по лестнице на крыльцо, а он все ближе. Ну же! Давай! Я вбегаю в дом. Надо срочно найти маму, и я кричу:

– Мама! Мама! Где ты?

Из кухни в коридор выскакивает перепуганная мама.

И тут в дом врывается мой брат и громко кричит:

– Мама! Мама! Не верь ей! Она все врет! Я не целовался с Лариской в сарае!

Все-таки скорость – не главное!

